

TABLE-TALK ПОЛОНСКОГО И ЮБИЛЕЙ ФЕТА

Леа Пильд
(Тарту)

9 апреля 1889 г. между издателем газеты «Новое время» Алексеем Сергеевичем Сувориным и поэтом Яковом Петровичем Полонским состоялся разговор, записанный несколько позднее (1 мая) Полонским в дневнике:

После чаю, в кабинете, пошел разговор о литературе. Я сказал, что и в современной Франции является немало замечательно-умных и поучительных книг. — Он совершенно со мной согласился и стал нападать на русскую литературу. — «Вот, — сказал он, — на похоронах моей матери я видел немало провинциальных священников и чиновников. — Это совсем не то... совсем не то, что описывают наши беллетристы. — Ни у кого из них нет ни наблюдательности, ни фантазии, в особенности мы бедны фантазией». Я шутя заметил ему, что если у меня есть что-нибудь за душой, так это фантазия. — У Вас? — рассердился он. — Нет у Вас никакой фантазии — ни малейшей. <...> Да и что это за вздор — писать стихами рассказы и поэмы! — Надоели эти поэмы, как горькая редька. — Я уверен, что через 50 лет не только поэм, — вообще беллетристики не будет [ЛН I: 774].

Как справедливо полагает комментатор переписки Полонского и Фета, возможно, именно эта беседа с Сувориным послужила Якову Петровичу поводом для создания стихотворения «Фантазия» [ЛН I: 774], опубликованного в первом номере журнала «Русское обозрение» за 1890 г. В нем Полонский пытался в аллегорическом ключе объяснить не только Суворину, отрицающему современную литературу и, в частности, поэзию, но и всем русским читателям причины их отторжения от лучших современных поэтов.

Один из главных адресатов сочинения Полонского — это, безусловно, Фет, которому Полонский также стремится истолковать причину неприятия стихов «чистого лирика» современным читателем. Постараемся проследить, почему, с точки зрения Полонского, появилась необходимость такого объяснения, ведь хорошо известно, что в своих обращениях к читателю в 1880-е гг. (например, в предисловиях к третьему и четвертому выпускам «Вечерних огней») Фет как раз подчеркивает обращенность его стихов к узкому кругу читателей («поэт для немногих») и констатирует закономерное отсутствие интереса «толпы» к его стихам (см.: [Фет 1971: 238–242; 315]).

На протяжении почти всего десятилетия (1880-е гг.) как в критических отзывах на стихи Фета, так и обращенных к нему стихотворных посланиях проявляется одна закономерность: авторы этих текстов зачастую подчеркивают особость, одиночество Фета, его «чуждость» не только «толпе», но даже литераторам, близким ему по литературным установкам, его литературным предшественникам. Так, например, описывает поэта Полонский в послании 1888 г. «А.А. Фет» («Нет, не забуду я тот ранний огонек...»):

Пока у нас в снегах весны простыл и след,
Там — те же соловьи и с ними тот же Фет...
Постиг он как мудрец, что если *нас* с годами
Влечет к зиме, то — *нам* к весне возврата нет,
И — улетел за соловьями [Полонский I];

ср. также в «юбилейном» стихотворении 1889 г. «В день пятидесятилетнего юбилея А.А. Фета» («Ночи текли, — звезды трепетно в бездну лучи свои сеяли...»):

Песни его были *чужды* сует и минут увлечения,

Чужды теченью излюбленных нами идей:
Песни его вековые, — в них вечный закон тяготения
К жизни — и нега вакханки, и жалоба фей... [Полонский П].

Однако в этом же стихотворении Полонского Фет не вполне вписывается и в целое мира *иногo*:

Ночи текли — звезды трепетно в бездну лучи свои сеяли...
Капали слезы, — рыдала любовь; и алел
Жаркий рассвет, и те грезы, что в сердце мы тайно лелеяли,
Трель соловья разносила — и бурей шумел
Моря сердитого вал — думы зрели, и — реяли
Серые чайки...

Игру эту боги затеяли;
В их мировую игру Фет замешался и пел... [Там же:].

Если обратиться к критическим отзывам о поэзии Фета 1880-х гг., то здесь замечаем сходную тенденцию: подчеркивается та же *особость* Фета не только по отношению к читателям, но и к литературным предшественникам и современникам; даже сочувствующие творчеству Фета критики в целом ряде случаев не включают его в сообщество литераторов-современников. Ср., напр.:

Не всякому времени дается чувство поэзии. Фет точно *чужой* среди нас, и очень хорошо чувствует, что служит покинутому толпою божеству [Страхов];

...лирика является преобладающим элементом творчества г. Фета, в ней его настоящая сила... в этой области поэзии, за исключением, быть может, одного лишь Пушкина... у Фета *нет достойных соперников* [Голенищев-Кутузов:380].

В переписке Полонского и Фета конца 1880-х — начала 1890-х гг. одно из важных мест занимает обсуждение вопроса о роли поэзии в современной русской литературе и русской жизни. Его актуальность для обоих поэтов обусловлена многими причинами. Это и достаточно преклонный возраст корреспондентов (приближение к концу жизни влечет за собой необходимость «подведения итогов»), и неостребованность «чистой поэзии» массовым читателем в 1880-е гг., и отмеченные литературной общественностью в конце десятилетия литературные юбилеи трех поэтов (юбилей Полонского отмечался 10 апреля 1887 года, юбилей Аполлона Майкова — 30 апреля 1888 года, и юбилей Фета — 28–29 января 1889 г.).

Известно, что как современники Фета, так и исследователи его творчества были склонны отделять Фета-поэта от Фета-помещика (человека, камергера). В основу такого разделения и противопоставления, разумеется, легли высказывания (печатные и устные) самого Фета, его программные стихотворения.

Однако нам хочется обратить внимание на то, что наряду с широко известными и многократно воспроизводившимися в исследовательской традиции высказываниями критиков и самого поэта есть и другие: или еще не попавшие в поле зрения ученых, или трактовавшиеся в ином ключе. Мы имеем, в частности, в виду «предъюбилейные» эпистолярные признания Фета, главным образом, в письмах к Полонскому и великому князю Константину Константиновичу. Внимательно взглядевшись в эти высказывания, мы понимаем, что беспокойство Фета перед близящимся 50-летием его литературной деятельности было вызвано не только страхом остаться без правительственной награды.

Для поэта была крайне важна сама *дата* празднования юбилея. Юбилей отмечался в Москве в течение двух дней: 28 января 1889 года Фет принимал поздравления в своем доме на Плющихе, а 29 января состоялся торжественный обед в ресторане «Эрмитаж», организованный Московским психологическим обществом. Первоначальная дата празднования юбилея, названная самим Фетом, — 29 января

1889 г. В своих мемуарах «Ранние годы моей жизни» Фет утверждал, что в конце 1838 или начале 1839 г. тетрадь его стихов была отдана для прочтения и оценки Гоголю, который увидел в авторе стихов «несомненное дарование» [Фет 1890: 141].

Между тем, как заметил еще биограф Фета Г.П. Блок, Гоголь приехал в Москву только осенью 1839 г. [Блок: 53]. По-видимому, тетрадь со стихотворениями Фета была передана Гоголю М.П. Погодиным позже, в конце 1839 или начале 1840 г. Зачем Фету понадобилось смещение даты? Видимо, для того, чтобы приурочить празднование юбилея не только к юбилеям Пушкина (90 лет со дня рождения) и Гоголя (в 1889 г. исполнялось 80 лет со дня его рождения), но и к датам рождения и смерти Жуковского и Пушкина (29 января, соответственно, 1783-го и 1837-го гг.).

Вполне сознательное смещение даты годовщины литературной деятельности своеобразно соотносится с известными письменными высказываниями Фета 1888 г., в которых он объясняет необходимость присуждения ему высокого звания камергера. Так, например, в письме к К.Р. от 23 июня 1888 г. Фет сначала задает вопрос, а затем сам отвечает на него:

Если Майков мог получить звание тайного советника и значительное прибавление пенсiona, то почему бы мне не мечтать о звании камергера, ни с какими дальнейшими функциями не связанного? [Переписка: 284–285];

Такое назначение только показало бы всей России, начиная с меня, Высочайшее внимание к моим посильным трудам [Там же: 285].

Комментируя эти и подобные высказывания Фета, исследователи, в основном, обращали внимание на болезненную экзальтированность поэта, его непомерное тщеславие или гипертрофированное желание быть обласканным «высочайшими милостями». Однако следует подчеркнуть еще одну важную составляющую этого и подобных ему высказываний поэта. В приведенном фрагменте из письма к К.Р. под «посильными трудами» Фет подразумевает, в первую очередь, свое поэтическое творчество (а не, например, деятельность на посту мирового судьи или занятия помещичьим хозяйством), которое после оказанного поэту «высочайшего внимания», возможно, заметит и вся Россия. Доказательство этого предположения находим и в признании поэта, адресованном К.Р. и свидетельствующем, в частности, не только о преувеличенном пиетете перед великим князем и всей императорской фамилией, но и о желании преодолеть «изолированность» от литературной жизни, длившуюся в творческой биографии Фета с начала 1860-х гг.:

Только в стихийном чувстве всенародной преданности державной власти я нахожу разгадку той непосредственной связи, которую я чувствую между Вами и между прочими русскими поэтами, о которых говорит Гоголь в своей «Переписке с друзьями» [Переписка: 284].

Здесь, видимо, имеется в виду следующее рассуждение Гоголя в десятой главе «Выбранных мест из переписки с друзьями» — «О лиризме наших поэтов»:

Поэты наши прозревали значение высшее монарха, слыша, что он неминуемо должен наконец сделаться весь одна любовь, и таким образом станет видно всем, почему государь есть образ божий, как это признает, покуда чутьем, вся земля наша [Гоголь: 255].

Иными словами, по Фету, высочайшая награда должна была выполнить три важные функции: во-первых, способствовать тому, чтобы «забытый» поэт превратился волей императора во всероссийски известного; во-вторых, включить его вновь в ряд других русских поэтов (как мы видели, критика 80-х гг. была иногда склонна к вытеснению Фета из круга других стихотворцев), и, наконец, поскольку дата празднования литературного юбилея Фета приурочивалась, в частности, к гоголевскому юбилею, связать имя Фета с именем Гоголя, который в «Переписке с друзьями» говорил о миссии художника, выходящей за рамки одного лишь «служения искусству».

Как мы знаем, ожидания Фета не оправдались, и хотя страстно желаемое камергерство он обрел, но «всенародной» известности поэта при своей жизни не достиг. Однако и после литературного юбилея Фет не переставал размышлять о такой возможности. И в этом нет ничего удивительного, потому что Фет не мог не ощущать масштаба своего поэтического дара. Так, в четвертом выпуске «Вечерних огней» (1890) было опубликовано стихотворение «Оброчник» (первая публикация – во втором номере журнала «Русское обозрение» за 1890 г. Под стихотворением была указана дата — 31 декабря 1889 г.).

В действительности этот текст был написан в сентябре 1889 г. и послан 2 октября К.Р., а 9 октября — Полонскому. В письме от 2 октября 1889 г. Фет особо обращает внимание К.Р. на то, что редактор «Русского обозрения» «заинтересовался» двумя его текстами, в частности, стихотворением «Оброчник» [ЛН II: 779].

Это первое стихотворение в четвертом выпуске «Вечерних огней», следующее за авторским предисловием и, безусловно, носящее программный характер. «Оброчник», согласно Толковому словарю Даля — человек, давший обет, «обреченный» служить чему-либо, делать какое-то дело. Стихотворение отличается подчеркнута аллегорической образностью и архаической лексикой. Лирический субъект этого стихотворения — в первую очередь, поэт:

Хоругвь священную подъяв своей десной,
Иду, и тронулась за мной толпа живая,
И потянулись все по просеке лесной,
И я блажен и горд, святыню воспевая.

Пою, и помыслам неведом детский страх,
Пускай на пенье мне ответят воем звери,
С святыней над челом и песнью на устах,
С трудом, но я дойду до вожделенной двери [Фет 1971: 316].

«Я» в этом тексте увлекает за собой уже не только «немногих» почитателей своего таланта, о которых говорится в предшествующем стихотворению предисловии, — за ним «трогается» (то есть начинает идти) толпа. Знаменательно здесь это указание на начало движения, которое перекликается с концовкой стихотворения в будущем времени («дойду до вожделенной двери»). Образ «двери» не просто символизирует границу земного и потустороннего миров, но и выступает в значении конечной цели пути, движения поэта. «Толпа живая» противопоставлена аллегорическому образу «диких зверей» («Пускай на пенье мне ответят воем звери»). В данном случае Фет отсылает читателя к своему программному стихотворению «Муза» (1887), в котором образ «дикого зверя» был соотнесен с эстетическими противниками Фета — поэтами некрасовской школы, а также с их почитателями. В «Оброчнике» Фет намекает на то, что расстановка сил в литературном мире начинает меняться, и путь поэта, до конца преданного своему делу, хотя и чрезвычайно труден, но, в конце концов, приведет к желаемому результату.

Образ хоругви («священная хоругвь» — это церковное знамя, на котором запечатлен божий лик) заставляет вспомнить фрагмент из «Выбранных мест в переписке с друзьями», который мы уже цитировали. В нем Гоголь говорит об образе Божьем как идеале для монарха, который «прозревали» в своем творчестве поэты-лирики. Стихотворение, безусловно, неявно адресовано Александру III и другим членам императорской фамилии, его символика описывает начало нового этапа творческого пути Фета после получения им высочайшей награды — звания камергера (отсюда, вероятно, и изменение даты создания стихотворения при его первой публикации — 31 декабря вместо 17 сентября; дата подчеркивает окончание чрезвычайно значимого в биографии Фета «юбилейного» года).

Таким образом, программные установки позднего Фета были, по меньшей мере, двойственны. Наряду с образом «безумного» поэта, поэта-пророка, пишущего для немногих и не всегда осознающего смысл и результаты своего творчества, изображался целеустремленный герой, пролагающий в своей области новые пути и стремящийся увлечь за собой широкий круг подражателей и почитателей. Приведем еще один пример, свидетельствующий о серьезном отношении позднего Фета не только к избранному, но и широкому кругу читателей:

Не удивительно, что голодающая интеллигенция хочет слышать, как всего вернее выхватить у другого кусок хлеба. Поэтому я не удивляюсь, что моих стихов не покупают, а удивительно, что не покупают и моих воспоминаний, где рассказано, каким путем я старался дойти до куска хлеба» (из письма Полонскому от 29 ноября 1890 г. [ЛН I: 855]).

Это признание говорит о том, что Фет в конце 1880-х гг. и на рубеже десятилетий постоянно размышляет о способах установления контакта с массовым читателем.

В упомянутом нами в начале статьи стихотворении Полонского «Фантазия», сюжет которого разворачивается в доисторические времена и которое перенасыщено цитатами и реминисценциями из поэзии Фета, начиная с заглавия, появляется лирический персонаж, по-видимому, соотнесенный с Фетом. Это «ангел» или «дух земли», «постигнувший» благу «мысль бога», но болеющий душой за людей-дикарей (или «полузверей»), лишенных фантазии и поэтому неспособных приблизиться к божественному замыслу и постигать вечные ценности:

А над землей носился вечный гений
И небу и земле родной,
Полуземной, полунебесный,
Никем не видимый, неслышный, неизвестный:
Его удел был предопределен —
Сопровождать померкшую планету,
Все обреченное на бдение и сон
Оберегать, и звать к божественному свету,
Того, кто свыше одарен [Полонский].

Двойственность природы этого персонажа (вызывающего, в частности, ассоциации с недоноском Баратынского) согласуется с теми характеристиками Фета, которые доминировали в критике 80-х гг. и посланиях самого Полонского (выключенность из мира людей, относительная принадлежность миру неба, одиночество). В приведенном фрагменте можно обнаружить и след стихотворения «Оброчник» («дух» зовет людей к божественному свету, подобно тому, как герой Фета «ведет» «толпу живую», держа в правой руке «священную хоругвь»; путь «духа земли» также «предопределен», он выполняет божественное предназначение).

Однако «дух земли» не постигает до конца божественный замысел. Он обескуражен тем, что Бог посылает на землю Фантазию, которая, вместо того, чтобы одухотворить материально-телесное существование людей-дикарей, создает фигуру безобразного идола, которому дикари начинают поклоняться. Бог же поясняет непонятливому духу Земли, что Фантазия создает произведение искусства, соответствующее уровню развития дикарей, и что создания Фантазии будут иными, когда дикари достигнут более высокой стадии духовного развития. «Дикари» — это аллегорический образ большинства современных читателей, отдающих предпочтение стихам покойного Надсона и здравствующего ныне Фофанова перед поэзией Полонского и Фета.

Аллегорический сюжет стихотворения характеризует, с точки зрения Полонского, состояние русской поэзии последних десятилетий и, одновременно, содержит ироническую характеристику позиции Фета, тщетно (как ему кажется) пытавшегося в дни своего литературного юбилея переломить ход вещей и завоевать

всероссийскую известность, в то время как для осуществления такого желания не было никаких оснований.

Вместе с тем, это и ответ оскорбленного поэта Суворину (приобщенному через стихотворение «Фантазия» к толпе «дикарей»), утверждавшему в беседе с Полонским, как мы помним, что и у Полонского, и у других современных литераторов нет фантазии.

ЛИТЕРАТУРА

Блок — *Блок Г.П.* Рождение поэта. *Повесть о молодости Фета.* Л., 1924.

Гоголь — *Гоголь Н.В.* Выбранные места из переписки с друзьями // Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: В 14 т. [М.–Л.], 1952. Т. 8.

Голенищев-Кутузов — *Голенищев-Кутузов А.А.* Вечерние огни // Русский вестник. 1888. № 4.

ЛН I — А.А. Фет и его литературное окружение. Лит. наследство. Т. 103. Кн. I. М., 2008.

ЛН II — А.А. Фет и его литературное окружение. Лит. наследство. Т. 103. Кн. II. М., 2011.

Переписка — К.Р. Избранная переписка. СПб., 1999.

Полонский — *Полонский Я.П.* Фантазия // Викитека [http://ru.wikisource.org/wiki/Фантазия_\(Полонский\)](http://ru.wikisource.org/wiki/Фантазия_(Полонский)) (дата просмотра: 10.06.2013).

Полонский I — *Полонский Я.П.* А.А. Фет // Викитека [http://ru.wikisource.org/wiki/А. А. Фет_\(Полонский\)](http://ru.wikisource.org/wiki/А._А._Фет_(Полонский)) (дата просмотра: 11.06.2013).

Полонский II — *Полонский Я.П.* В день пятидесятилетнего юбилея А.А. Фета // Викитека [http://ru.wikisource.org/wiki/В_день_пятидесятилетнего_юбилея_А. А. Фета_\(Полонский\)](http://ru.wikisource.org/wiki/В_день_пятидесятилетнего_юбилея_А._А._Фета_(Полонский)) (дата просмотра 11.06.2013).

Страхов — *Страхов Н.Н.* А.А.Фет // http://az.lib.ru/s/strahow_n_n/text_1883_fet1_olderfo.shtml (дата просмотра: 10.06.2013).

Фет 1890 — *Фет А.А.* Ранние годы моей жизни. М., 1890.

Фет 1971 — *Фет А.А.* Вечерние огни. М., 1971.